XXXIX.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1901

1.

Стр.

5. Первые мѣсяцы царствованія Екатерины Великой. Изъ донесеній Прусскаго посланника **Гольца** Фридриху Второму.

41. Переписка архіепископа **Нила** съ епископомъ **Іереміею** о мѣстѣ кончины Арсенія Мацѣевича.

45. О членахъ секретной экспедиціи въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. 1781.

45 О выпискѣ изъ Упсалы старинной Русской рукописи. 1783.

46. Письма изъ Москвы **А. Я. Булгакова** къ его брату въ Петербургъ. 1821.

95. Изъ моей старины. Воспоминанія **князя А. В. Мещерскаго.** 1841.

119. Записки **М. С. Сабининой.** 1854 и 1855.

141. Къ исторіи разграниченія Россіи съ Норвегіею. Статья **гг. N. и Н. О. Чулкова.**

158. Пушкинъ и Баратынскій. **В. Я. Б.**

165. О происхожденіи А. А. Фета. Статья **В. Н. Семенковича.**

174. **Н. П. Гиляровъ** о „Семирамидѣ“ А. С. Хомякова.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1901.

30741

ЗАПИСКИ МАРѲЫ СТЕПАНОВНЫ САБИНИНОЙ.

1854-й годъ *).

Въ нашъ новый годъ меня позвала гросгерцогиня и предложила мнѣ мѣсто преподавательницы музыки въ ея институтѣ (Sophienstift).

21-го Января. Былъ у меня Гансъ фонъ-Бюловъ. Онъ намѣревался оставить Веймаръ и поселиться на нѣсколько лѣтъ въ Берлинѣ. Молодой артистъ не могъ ограничить свою дѣятельность одними концертами, которые въ то время въ Германіи не представляли никакого особеннаго интереса; онъ нашелъ, что лучше, переселившись въ большой городъ, сосредоточить тамъ свою дѣятельность и, упрочивъ свое имя, посѣтить Парижъ и Лондонъ.

19-го Февраля. Въ первый разъ слышала я забытую оперу Бетховена «Фиделіо», чудная музыка которой предана забвенію, благодаря невозможному либретто, которое написано было по-французски, а затѣмъ переведено на Нѣмецкій языкъ Сонненлейтнеромъ.

Все это время я вела невозможную жизнь: работала страшно много и въ тоже время ни одинъ вечеръ не проводила одна. По окончаніи траура по великомъ герцогѣ, какое-то лихорадочное упоеніе жизнью овладѣло всѣмъ обществомъ: рауты, вечера съ музыкой, маскарады гнались одинъ за другимъ, и я удивляюсь, какъ можно было такъ жить.

28-го Февраля. Музыка невозвратно потеряла одного изъ величайшихъ и геніальнѣйшихъ своихъ представителей: Шуманъ сошелъ съ ума и бросался въ Рейнъ. Такъ больно было за его несчастную жену и дѣтей! Нѣсколько дней послѣ этого я получила первое письмо, съ грустными подробностями, которыя и сообщила Листу, ничего еще не знавшему о случившемся.

Въ то время Листъ былъ очень разстроенъ, такъ какъ дѣла княгини Витгенштейнъ все тяжелѣ ложились на нее. Она отказалась ис-

---

*) За предъидущіе годы Записки М. С. Сабининой напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ“ 1900 года, выпуски 4, 5, 6 и 8-й.

полнить законное требованіе Русскаго правительства, которое, по истеченіи пятилѣтняго срока ея пребыванія за границей, требовало ея возвращенія въ Россію. Конфисковано было ея значительное имѣніе въ Россіи, вслѣдствіе чего она лишилась средствъ къ существованію. Для княгини, привыкшей къ роскоши, этотъ ударъ былъ особенно тяжелъ, ради будущности ея дочери. Весьма вѣское ходатайство передъ императоромъ Александромъ Николаевичемъ дало возможность измѣнить это рѣшеніе въ томъ смыслѣ, что все состояніе было возвращено и передано ея единственной дочери, княжнѣ Маріи Н. Витгенштейнъ, которая неотлучно жила при матери. Всѣ эти непріятности съ княгиней Витгенштейнъ не могли не подѣйствовать и на Листа; онъ, видимо, очень мучился и страдалъ, такъ какъ его состояніе было всецѣло отдано имъ его дѣтямъ отъ графини d'Agý; самъ на себя онъ очень мало тратилъ, но постоянно поддерживалъ Вагнера, хотя это было ему не легко. Не показывая своего душевнаго разстройства, Листъ былъ въ грустномъ настроеніи духа; но его поддерживала сильная вѣра. Озабоченный собственнымъ положеніемъ, онъ, однако, постоянно дѣйствовалъ въ пользу постановки драмъ Вагнера. Дингельштетъ хотѣлъ ставить Тангейзера въ Мюнхенѣ, но не соглашался дать за партитуру требуемыхъ Вагнеромъ 100 луидоровъ. Веймарскій театръ, давшій впервыя Тангейзера, послалъ Вагнеру 20 луидоровъ за партитуру; вознагражденіе скромное, но и театръ маленькій. Чтобы составить себѣ понятіе, на какой доходъ могъ разсчитывать Вагнеръ, слѣдуетъ взять во вниманіе число слушателей, вмѣщавшихся въ театральномъ помѣщеніи Мюнхена, большого города и королевской резиденціи. Тангейзеръ можно было вездѣ ставить безо всякаго опасенія, потому что гдѣ бы его ни давали, отъ него получался отличный сборъ, за исключеніемъ Лейпцига, гдѣ противъ драмъ Вагнера вели открытую войну сторонники классической школы. Но и это длилось недолго. Тангейзеръ вездѣ пробилъ себѣ дорогу и никогда не былъ убыточенъ для театральной дирекціи. Непонятно, какъ большіе города, напримѣръ Берлинъ и Вѣна, все затягивали постановку Вагнеровскихъ драмъ. Листъ велъ переговоры о Тангейзерѣ съ Дингельштетомъ, но тотъ не соглашался на требованіе Вагнера; время шло, а все не приходили ни къ какому рѣшенію, не смотря на то, что члены королевскаго дома поддерживали драмы Вагнера. Театры меньшихъ городовъ поставили съ успѣхомъ не только Тангейзера, но и Лоэнгрина; первая заслуга принадлежала Веймару, откуда пробита имъ дорога въ театры Дармштата, Касселя, Бреславля, Франкфурта, Шверина, Висбадена, Познани и др.

19-го Марта. Давали «Эвріанту» Вебера: еще опера, либретто которой ниже всякой критики, а музыка чудесна. Дуэтъ между Абеларомъ и Эвріантой единственный въ своемъ родѣ; онъ широко развитъ и первый такого размѣра. Нѣтъ сомнѣнія, что на немъ Мейерберъ учился и, какъ практическій человѣкъ, съ него написалъ свой дуэтъ въ Гугенотахъ, и навѣрное дуэтъ этотъ во многомъ имѣлъ рѣшительное вліяніе и на Вагнера. Можно только удивляться, какъ рѣдко приходится его слышать: поютъ всякую всячину, а Эвріанта предана забвенію.

Черезъ недѣлю дали опять Эвріанту. По окончаніи оперы я была у Листа; тамъ играла В. Клаусъ (впослѣдствіи m-me Szarvady); ея игра была чиста и аккуратна, но это все. Вслѣдъ за ней за рояль сѣлъ Листъ, и понятно, что своей очаровательной игрой убилъ все прежде слышанное.

4-го Апрѣля. Пришелъ докторъ Поль и его жена, присланные ко мнѣ Листомъ. Они поселились въ Веймарѣ и стали всегдашними членами частныхъ музыкальныхъ вечеровъ. Д-ръ Поль—музыкальный критикъ, писавшій также довольно плохіе стихи; а жена его играла на арфѣ, но будучи очень нервною особой, никакъ не могла спокойно владѣть своимъ инструментомъ и никогда не была увѣрена въ успѣхѣ; это были случайности, и когда она выступала играть, мною всегда овладѣвалъ страхъ за нее. Инструментъ ея былъ прелестный, Эрара изъ Парижа, но не онъ былъ ей подвластенъ, а она ему.

16-го Апрѣля. Вьётанъ далъ концертъ. Онъ игралъ мастерски. Я очень любила его смычекъ; хотя онъ былъ не такъ мягокъ, какъ у Эрнста, но по искусству ихъ можно ставить на одну ступень. Бѣдная г-жа Поль играла фантазію Тальберга на мотивы изъ «Моисея» Россини; къ несчастію, играя безъ нотъ, она запуталась и остановилась, что было крайне тяжело. Съ тѣхъ поръ она никогда больше не играла соло въ концертахъ, а участвовала только въ оркестрѣ.

19-го Апрѣля. Въ частномъ кругу Листъ сыгралъ намъ Крейцерову сонату Бетховена и сонаты Баха, что такъ рѣдко приходится слышать; это было настоящее музыкальное наслажденіе.

6-го Мая. Въ мастерской профессора Фридриха Преллера, творца фресокъ, изображающихъ Одиссею въ Веймарскомъ музеѣ, помѣстился работать профессоръ Ритчель изъ Дрездена, пріѣхавшій, чтобы сдѣлать медальонъ Листа и бюстъ княгини Маріи Витгенштейнъ. Онъ мастерски исполнилъ эти работы; особенно медальонъ Листа рельефностью своей поражаетъ всякаго, кто понимаетъ трудность подобной работы. Ритчель въ то время былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, уже съ просѣдью; онъ немного говорилъ, за то много думалъ, что видно было по выра-

женію его лица. Безспорно, въ то время онъ былъ лучшимъ скульпторомъ въ Германіи, а его многочисленные ученики дѣлаютъ ему честь и доказываютъ, какой онъ отличный учитель.

7-го Мая. Давали «Роберта» Мейербера. Давно не слыхавъ его, я съ особеннымъ интересомъ отправилась въ театръ, но признаться, опера оказалась гораздо ниже моихъ ожиданій. Чувство, что она составлена изъ разныхъ частей и несвязность всего особенно меня поразили. Нельзя сказать, чтобы я отправилась слушать «Роберта» предубѣжденная; напротивъ, я думала найти больше въ оперѣ, которая въ свое время надѣлала такъ много шума.

На слѣдующій день Листъ повторялъ съ оркестромъ нѣкоторыя изъ своихъ симфоническихъ поэмъ, для посѣтившаго его Іоахима. Оппозиція упрекала Листа въ рѣзкости нѣкоторыхъ гармоническихъ переходовъ и послѣдовательностей, къ которымъ ихъ слухъ еще не привыкъ; форма композиціи была тоже выходящая изъ общепринятыхъ рамокъ и больше всего подверглась критикѣ классиковъ, строго порицавшихъ всякое уклоненіе отъ образцовъ, оставленныхъ намъ старыми маэстрами. Они не поражались благородствомъ и элегантностью мотивовъ и изяществомъ инструментаціи; живость переходовъ отъ одной, мысли къ другой имъ казалось неумѣлостью работать, и критика ни въ чемъ не щадила автора, который ненавидѣлъ неподвижность и безжизненность въ искусствѣ.

Сыграли также новую увертюру Іоахима, которая въ сравненіи съ прежними его сочиненіями на много шагнула впередъ и доказываетъ даровитость Іоахима, какъ композитора.

11-го Мая. Былъ концертъ братьевъ Миллеръ изъ Мейнингена, тогда уже пользовавшихся большой извѣстностью; они вполнѣ заслуживали предшествовавшую имъ славу своей удивительно согласной игрой и вѣрностью исполненія. Идивидуальнаго влеченія, пониманія или передачи одного или другого члена, унихъ не существовало: это было, вполнѣ соотвѣтствовавшее классицизму, общее безукоризненное исполненіе предначертаній автора, но безъ геніальнаго полета, какой встрѣчаешь у Іоахима, который игралъ Бетховена какъ никто: у него именно соединялись безукоризненная передача сочиненія съ приложеніемъ личнаго поэтическаго пониманія написаннаго.

26-го Мая. Я познакомилась съ Шульгофомъ. Это былъ Еврей, небольшого роста, худощавый и на видъ болѣзненный. Онъ очень элегантно и салонно сыгралъ свои сочиненія, которыя одно время наводняли всѣ гостинныя и исполнялись всѣми, игравшими на роялѣ.

30-го Мая. Пріѣхалъ изъ Петербурга А. Г. Рубинштейнъ. Онъ, проведя въ Веймарѣ нѣсколько недѣль, очень часто посѣщалъ нашъ

домъ. Веселый, шутливый, исполненный надеждъ, молодой артистъ былъ любимцемъ всего нашего семейства.

Отъ усиленныхъ занятій и утомительной жизни, которую я вела, здоровье мое такъ пошатнулось, что мнѣ необходимо было отдохнуть въ деревенской тиши. Мои друзья, семейство Ф. Гопфгартенъ, отправлялись на нѣсколько недѣль въ Шандау; я къ нимъ присоединилась и поѣхала погостить въ Проссенъ, имѣніе Брокгаузена, находящееся въ часовомъ разстояніи отъ Шандау. Мои подруги, Клара и Оттель Брокгаузенъ, развлекали меня сколько было возможно; мы ежедневно совершали большія прогулки и обозрѣвали Саксонскую Швейцарію со всѣми ея дѣвственными и привлекательными видами. Хотя въ этой мѣстности Эльба не широка, все же это была вода, которая всегда такъ меня привлекала: чувство, что я родилась близъ моря и первыя шесть лѣтъ жизни провела окруженная этимъ живучимъ элементомъ, о которомъ мы всѣ дѣти, пріѣхавъ въ Веймаръ, плакали и вздыхали, чувство это никогда не забывалось. Но всему хорошему бываетъ конецъ, и въ концѣ мѣсяца пришлось ѣхать обратно. Въ Дрезденѣ мы остановились, чтобы осмотрѣть картинную галлерею, а затѣмъ въ Лейпцигѣ я провела три дня и ежедневно бывала у Лидіи Фрэ́ге, у которой мы много играли между прочимъ съ Кониглёвомъ (скрипачемъ) и съ віолончелистомъ Грабау (Grabau). Между прочимъ Лидія Фрэ́ге разсказывала мнѣ, что въ Римѣ она слышала ораторіумъ Раймонди и что ничего подобнаго никогда не приходилось ей слышать. Ораторіумъ исполняли три хора; то, что̀ въ первой части соло, во второй—дуэтъ въ третьей терцетъ съ присоединеніемъ хора и переработанное по правиламъ контрапункта. Для музыканта это имѣетъ интересъ контрапунктическій; но, благодаря продолжительному повторенію, композиція такъ однообразна и легко уловима, что Лидія Фрэ́ге въ третій разъ была-бы уже въ состояніи пѣть съ хорами. Въ Римѣ не принято, чтобы самъ композиторъ дирижировалъ, и потому Раймонди сидѣлъ на стулѣ близъ суфлёрской будки и вертѣлъ въ рукахъ свою шляпу, поворачиваясь и кланяясь каждый разъ, что̀ ему аплодировали.

28-го Іюня я вернулась въ Веймаръ, на слѣдующій день играла у Листа, а затѣмъ онъ пришелъ ко мнѣ съ Прукнеромъ, Рубинштейномъ, Э. Генастомъ и А. Ф. Герсдорфомъ.

6-го Іюля. На урокѣ у Листа. Встрѣтила у него Жерара де Нерваль (Gérard de Nerval), который перевелъ на Французскій языкъ Фауста. Въ 1850 году онъ написалъ (въ журналѣ «Presse») статью о Лоэнгринѣ, о которой Вагнеръ выразился одобрительно; въ то время это былъ довольно геройскій подвигъ. На меня Нерваль произвелъ очень странное впечатлѣніе: онъ былъ уже не первой молодости, во

всемъ существѣ его было что-то нелюдимое; онъ молча ходилъ по комнатѣ, пересматривалъ книги и перекладывалъ ихъ съ мѣста на мѣсто; словомъ, казался чудакомъ. Вскорѣ послѣ возвращенія своего въ Парижъ, онъ повѣсился (26-го Января 1855 г.).

Противоположностью ему былъ Гофманъ фонъ-Фаллерслебенъ, которому въ то время было болѣе шестидесяти лѣтъ и, несмотря на это и на сѣдые волосы, онъ держался прямо, былъ веселъ, разговорчивъ, шутливъ и въ концѣ концовъ женился.

Въ половинѣ Іюля я поѣхала на нѣсколько дней въ Лейпцигъ, гдѣ между прочимъ была у Лидіи Фра́ге на вечерѣ, данномъ по случаю золотой свадьбы родителей ея мужа. Ставили живыя картины, декламировали стихи, пѣли хоромъ, садъ былъ великолѣпно иллюминованъ, ужинали въ оранжереяхъ и наконецъ танцовали (19-го Іюля).

Вернувшись въ Веймаръ всего на два дня, 23-го Іюля я уѣхала въ Лауха, имѣніе Ф.-Гопфгартена, чтобы тамъ пожить въ деревенской тишинѣ. Имѣніе это лежитъ у подножья Гёрзельберга, въ гротѣ котораго (Venus Höhle), по народному преданію, царствовала Венера и тамъ держала при себѣ Тангейзера. Близъ лежащій Рейнгартсбруннень, лѣтній дворецъ герцога Готскаго, и живописныя окрестности заставляли насъ проводить бо́льшую часть времени внѣ дома, и я вдоволь наслаждалась природой, особенно лѣсами, которые всегда меня привлекали.

10-го Августа. Отецъ привезъ изъ Дрездена вѣсть о смерти короля Саксонскаго Фридриха Августа III-го. Съ этой смертью для Вагнера возрождалась надежда на прощенье, о которомъ такъ часто подымался вопросъ при покойномъ королѣ. Положеніе Вагнера съ каждымъ днемъ становилось для него тяжелѣе. Въ его головѣ зародилась мысль о Тристанѣ и Изольдѣ и, желая получить возможность работать безъ раздраженія ежедневными заботами о хозяйствѣ, онъ искалъ получить авансомъ небольшую сумму денегъ, но, не смотря на возраставшую его славу, нигдѣ не могъ ее достать.

4-го Сентября. Вечеромъ Листъ игралъ у насъ чудесно, какъ и сопровождавшіе его А. Г. Рубинштейнъ и Васильевскій. Сынъ Листа Даніэль былъ съ нимъ.

14-го Сентября. Дженелли, переѣхавшій изъ Мюнхена въ Веймаръ, выставилъ свои картины для дома Ф.-Шака; сила и точность рисунка поразительны, композиція богата, и по своей законченности картины напоминаютъ величайшихъ художниковъ.

15-го Сентября. Вечеромъ у насъ Листъ. Я играла съ нимъ въ 4 руки фантазію (f-mole) Моцарта и фугу (c-mole) Баха, для двухъ роялей.

16-го Листъ дирижировалъ «Эрнани» Верди.

17-го Сентября. Познакомилась съ маркизой Ла-Ферріеръ, очень милой и образованной дамой; у нея была прелестная дочь, которой впослѣдствіи я давала уроки.

19-го Сентября. Была у Листа. Онъ получилъ отъ Парижскаго фабриканта роялей Александра сдѣланный по его заказу и указаніямъ новый инструментъ, стоившій 10 тысячъ франковъ. Это было соединеніе рояля и гармоніума; кромѣ рояльной клавіатуры было еще, кажется, три, построенныя одна надъ другой, для гармоніума съ разными регистрами, и ножные клавиши. Листъ сыгралъ на немъ при мнѣ своего «Орфея» и нѣсколько «Poèmes harmoniques»; разнородность звуковъ рояля и гармоніума давала возможность пользоваться ими для произведенія разнообразныхъ звуковыхъ эффектовъ. Въ другой разъ Листъ сыгралъ на немъ «Балъ» Рубинштейна и производилъ очень счастливыя сочетанія звуковъ.

У Листа видѣла г-жу Деннисъ Стритъ; это была красивая и очень образованная женщина, которая, будучи ученицей своего отца г-на Клиндвортъ (дипломатическаго секретаря при королѣ Ганноверскомъ), служила ему для собиранія нужныхъ политическихъ свѣдѣній.

9-го Октября. Вечеромъ ко мнѣ пришелъ Листъ и принесъ мнѣ письмо, полученное имъ отъ Клары Шуманъ, о постановкѣ на Веймарской сценѣ оперы «Геновева». Листъ, который всегда былъ заваленъ письмами и, когда только могъ, поручалъ другимъ отвѣчать за него, просилъ меня отвѣчать на это письмо отъ его имени. Отвѣтъ гласилъ, что гросгерцогиня Софія приглашаетъ г-жу Шуманъ принять участіе въ музыкальномъ утрѣ при дворѣ и играть вечеромъ въ театрѣ съ гонораромъ въ 25 луидоровъ. За партитуру Геновевы интендантъ театра фонъ Больё (v. Beaulieu) назначилъ 15 луидоровъ и за переписку голосовъ 4 луидора. Листъ говорилъ, что при исполненіи Геновевы нельзя разсчитывать на полный театръ, вслѣдствіе чего интендантство и не можетъ назначить больше за эту оперу. За партитуру Тангейзера Вагнеръ получилъ всего 20 луидоровъ.

12-го Октября я получила отъ г-жи Шуманъ отвѣтъ въ которомъ она изъявляла свое согласіе на предложеніе Листа и обѣщала пріѣхать.

25-го Октября. Листъ повелъ меня въ городскую церковь слушать игру Лефебюра-Велли (Lefébure-Wely), органиста церкви Св. Магдалины въ Парижѣ. Лефебюръ нашелъ, что органъ черезчуръ заигранъ, и объяснялъ, что за очень небольшія деньги его можно обновить. Игралъ онъ правильно и очаровательно, но только салонныя пьесы, на тему которыхъ затѣмъ импровизировалъ. Изъ церкви я по-

шла на вокзалъ желѣзной дороги встрѣчать г-жу Шуманъ, которая должна была пріѣхать съ ученицей своей Шёнерштэдтъ. Поѣздъ опоздалъ на три часа, и эти часы прошли для меня не особенно быстро.

Г-жа Шуманъ остановилась у моихъ родителей, съ которыми познакомилась въ 1840 году, когда, будучи невѣстой Шумана, она жила съ нимъ у матери музикъ-деректора Карла Монтага.

Послѣ первыхъ привѣтствій, она спросила меня, нѣтъ ли у насъ писемъ на ея имя, и на мой отрицательный отвѣтъ, объяснила, что въ теченіе четырехъ недѣль не получала писемъ отъ своего мужа; при воспоминаніи о несчастномъ своемъ мужѣ, который въ то время находился въ частномъ заведеніи близъ Бонна, она залилась слезами. Послѣ обѣда она немного успокоилась и сошла къ намъ въ бельэтажъ, чтобы упражняться. Она сыграла два канона и концертъ a-mol ея мужа, и «Variations sérieuses» Мендельсона-Бартольди. Тутъ пришелъ Поль, чтобы составить съ ней программу ея концерта.

По уходѣ его г-жа Шуманъ заставила меня играть; я выбрала изъ Шумана, Шопена и Листа. Вечеромъ мы немного поговорили объ этомъ, и лишь на слѣдующій день она строго разобрала мою игру.

Листъ пришелъ къ намъ по окончаніи оперы («Лукреція Борджіа») которую онъ дирижировалъ. При встрѣчѣ онъ поцѣловалъ г-жу Шуманъ, что̀ крайне удивило ее, также какъ и меня, такъ какъ вообще онъ не имѣлъ обыкновенія такъ здороваться съ дамами. Онъ былъ очень радъ ее видѣть; она менѣе рада, такъ какъ не симпатизировала ему ни какъ артисту, ни какъ человѣку. Послѣ первыхъ привѣтствій Листъ сказалъ: «Сегодня первый разъ въ жизни на мою долю выпала честь быть освистаннымъ». Мы нимало этому удивились, и тогда онъ разсказалъ, что причиной этому были отставшіе часы маркиза Ла-Ферріеръ, у котораго онъ обѣдалъ. «Я вошелъ въ театръ, 25 минутъ седьмого по часамъ маркиза, который живетъ близъ театра; но по городскимъ часамъ было уже безъ десяти семь» (представленіе начиналось обыкновенно въ $6^1/_2$, а если драма или опера бывала длинная, то въ 6 часовъ). «Въ ту минуту, какъ я появился на дирижерскомъ мѣстѣ, публика принялась свистѣть и свистѣть. Я вижу, что въ гросгерцогской ложѣ ужъ сидятъ ихъ высочества и ожидаютъ моего появленія. Тогда я обернулся къ публикѣ и сдѣлалъ глубокій поклонъ».

Сейчасъ же послѣ чая, г-жа Шуманъ, очень утомленная, удалилась къ себѣ. На слѣдующій день она получила нѣсколько писемъ; одно изъ нихъ было отъ ея мужа. Онъ писалъ понятно и очень сердечно, вспоминая то время, когда они были влюбленными женихомъ и невѣстой: «Помнишь ли ты, какъ однажды я принесъ тебѣ букетъ и брилліантовый перстень, который ты носишь, писалъ онъ между

прочимъ, «и какъ я заставилъ тебя искать этотъ перстень въ букетѣ? Онъ блестѣлъ, какъ капля росы». Далѣе онъ писалъ: «Мнѣ позволяютъ играть по часу въ день; если бы ты могла послушать, какъ я тогда фантазирую. Мнѣ также дали бумагу, чтобы я могъ писать». Каждыя двѣ недѣли г-жа Шуманъ получала письмо отъ своего мужа и отъ его доктора; но докторъ просматривалъ ея письма къ Шуману раньше, чѣмъ передать ихъ ему. При полученіи письма отъ горячаго любимаго мужа, она горько плакала.

Затѣмъ, въ десятомъ часу, она пошла со мной къ Листу, чтобы попробовать его рояль Эрара. Мой рояль, Брейткопфа и Гэртеля, ей не нравился; она нашла, что на немъ слишкомъ тяжело играть и что pianissimo очень трудно удается. Она очень хвалила рояли Клэма въ Дюссельдорфѣ, съ Англійскимъ механизмомъ. Рояль Эрара, принадлежавшая Листу, ей очень понравилась, но она все-таки нашла, что и на немъ играть утомительно (noch etwas zu schwer). Между тѣмъ въ комнату вошла княгиня Витгенштейнъ, съ которой Клара Шуманъ поздоровалась очень сердечно; про нее она сказала мнѣ послѣ: «Я очень люблю княгиню и вполнѣ признаю ея превосходство (ich kenne ganz ihre Vorzüge)».

Къ двѣнадцати часамъ мы вернулись домой, а въ часъ пришелъ Листъ, чтобы вести насъ на музыкальное утро (matinée) при дворѣ. Ихъ высочества и всѣ присутствующіе приняли г-жу Шуманъ очень любезно, видя въ ней не только одну изъ величайшихъ артистокъ, но и женщину, несущую тяжелый крестъ. Сначала она сыграла «Études symphoniques» своего мужа; но хотя она сыграла ихъ пластично (plastisch) и съ большой силой, сочиненіе это мало понравилось: оно было слишкомъ серьезно для того, чтобы не спеціально музыкальная публика могла понять его съ перваго раза. Затѣмъ она сыграла вальсъ (a-moll) и этюдъ (ges-dur) Шопена, «Am Abend» Шумана, и большой полонезъ (as-dur)—Шопена. Правильность ея игры всѣмъ извѣстна; но вслѣдствіе чрезмѣрной правильности и аккуратности поэтичная часть сочиненій иногда страдала, и ея игра бывала суха. Около половины третьяго мы вернулись домой и, когда она немного отдохнула, въ $\frac{1}{2}$ 6-го мы поѣхали въ театръ на репетицію.

Лаубъ сыгралъ Papageno-Rondo Эрнста, въ которомъ мало музыкальнаго достоинства, такъ что г-жа Шуманъ выразила сожалѣніе, что такой артистъ, какъ Лаубъ, играетъ такую незначащую вещь. Клара Шуманъ сыграла съ оркестромъ концертъ (a-moll) своего мужа и прорепетировала съ Э. Генастъ «Lieder» Шумана, которыя послѣдняя должна была пѣть (Nussbaum, Sonnenschein, du meine Seele). О пѣніи Э. Генаста г-жа Шуманъ отозвалась одобрительно. Послѣ этого Листъ

продирижировалъ для нея свою симфоническую поэму «Les Préludes». О нихъ г-жа Шуманъ послѣ сказала мнѣ: «Жаль генія; рядомъ съ прекраснымъ, которое часто длится всего 5—6 тактовъ, слушатель неожиданно получаетъ музыкальную пощечину (eine musicalische Ohrfeige). Въ звуковыхъ эффектахъ Листъ значительно усовершенствовался, и его инструментовка гораздо лучше, чѣмъ была, что̀ впрочемъ неудивительно; это случается со всякимъ, кто въ теченіе многихъ лѣтъ имѣетъ дѣло съ оркестромъ».

Послѣ репетиціи, къ чаю у насъ собрались: Листъ, д-ръ Поль съ женой, Лаубъ съ женой, Коссманъ, Раффъ, П. Корнеліусъ, Э. Генастъ, Ф. Бронсаръ и Кнобъ (піанистъ изъ Берлина). Листъ сыгралъ нѣкоторыя изъ своихъ «Harmonies religieuses», вальсъ по Шуберту (A-dur), вальсъ изъ Лучіи и «Parisiana», очень трудную и неблагодарную вещь, которая могла нравиться только въ его передачѣ.

27-го въ половинѣ одиннадцатаго г-жа Шуманъ пошла со мной къ гофъ-интенданту Г. ф. Больё-Марконэй; и онъ и жена его приняли насъ очень любезно. Это былъ очень образованный и любезный господинъ и онъ во всемъ старался предупредить желанія г-жи Шуманъ. Оттуда она пожелала сама пойти на почту. По дорогѣ она заговорила со мной о моихъ урокахъ у Листа; понятно, что она была противъ того, чтобы я (ея прежняя ученица) продолжала учиться у него. «Скажитесь больной», совѣтовала она, или придумайте другой какой-нибудь предлогъ, чтобы не ходить на его уроки. Изучайте (studieren) одна и исключительно только хорошія вещи. Въ техникѣ вы выиграли, но мнѣ всегда грустно слышать, когда кто бы то ни было съ такимъ великимъ трудомъ (so grosser Mühe) играетъ трудныя и неблагодарныя вещи: сколько хорошихъ сочиненій можно было бы изучить во столько же времени». Очень не одобряла она своенравность темна у Листа. «Сочиненія Листа не переживутъ его самого», продолжала она; «уже теперь можно слышать лишь немногія изъ его прежнихъ вещей. Съ нимъ случится тоже, что̀ съ Тальбергомъ, сочиненія котораго слушали и играли, пока онъ ихъ самъ исполнялъ передъ публикой».

Затѣмъ мы пошли въ театръ, гдѣ она хотѣла упражняться на рояли (Эрара) Листа. Она сначала сыграла нѣсколько гаммъ въ терцахъ и октавахъ, затѣмъ разбитые аккорды. Послѣ этого она сыграла концертъ своего мужа (a-mol), Variations sérieuses Мендельсона, andante и scherzo изъ сонаты (fis-mol) Бетховена и варіаціи свои и Брамса на одну тему Шумана. При этомъ она разсказала, какъ возникли эти варіаціи. Она написала свои варіаціи въ предыдущемъ году ко дню рожденія мужа, и когда онѣ уже были въ печати, ей разъ вздумалось воспользоваться одной темой, которую она написала по случаю помолвки своей

съ Шуманомъ. Она сдѣлала это въ семи варіаціяхъ. Брамсъ, когда былъ въ Дрезденѣ, ежедневно бывалъ у г-жи Шуманъ, и, какъ она сама говорила, это былъ единственный человѣкъ, который поощрялъ ее работать и заниматься музыкой. Она не могла его достаточно хвалить за то участіе, которое онъ ей выказывалъ, и какъ хорошо онъ говорилъ о взаимныхъ отношеніяхъ ея съ мужемъ. Когда Шуманъ сошелъ съ ума, она была беременна; когда она разрѣшилась, визиты Брамса прекратились. На третій день послѣ родовъ, Брамсъ прислалъ ей варіаціи на тѣже темы ея и ея мужа, на которыя она уже написала свои варіаціи. Онъ разсказалъ ей впослѣдствіи, что такъ по ней стосковался, что написалъ эти варіаціи; онъ предназначалъ ихъ исключительно для нея, но она настояла на томъ, чтобы ихъ напечатали, и пріостановила печатаніе своихъ варіацій для того, чтобы онѣ появились одновременно и никто не могъ бы сказать, что однѣ написаны раньше, а другія послѣ. Г-жа Шуманъ очень рекомендовала мнѣ эти варіаціи Брамса, говоря, что это прекраснѣйшее изо всѣхъ сочиненій, написанныхъ за послѣднее время. Брамсу 22 года, онъ очень серьезенъ для своихъ лѣтъ, очень образованъ и начитанъ, но при этомъ въ немъ свѣжо юношеское чувство. Когда онъ пріѣзжаетъ въ Гамбургъ къ своимъ родителямъ, онъ выкладываетъ всѣ свои игрушки, которыя бережно сохраняются, выставляетъ ихъ на столъ и радуется тѣмъ воспоминаніямъ, которыя онѣ вызываютъ. Въ характерѣ Іоахима есть таже черта, разсказывала г-жа Шуманъ, и, за исключеніемъ ихъ двоихъ, она никого не знала, кто бы при серьезномъ образованіи сохранялъ въ своихъ чувствахъ столько юношескаго. Однажды, когда Брамсъ былъ у Листа, онъ заснулъ подъ музыку въ углу; подобная музыка, сказалъ Брамсъ, способна только усыпить меня. При слѣдующихъ встрѣчахъ обоихъ артистовъ, Листъ всегда предлагалъ Брамсу кресло, чтобъ ему удобнѣе было спать. Но, прибавила она, «это судьба всѣхъ великихъ людей: когда они сдѣлаютъ что-нибудь выдающееся, ихъ стараются со всѣхъ сторонъ умалить». Мнѣ нечего и говорить, что г-жа Шуманъ играла сочиненія Брамса замѣчательно хорошо.

Затѣмъ она сдѣлала визитъ г-жѣ Монтагъ и ея старушкѣ-матери. Выходя отъ нихъ, г-жа Шуманъ сказала: «Когда дуютъ въ резиновые шары, они надуваются именно такъ, какъ Монтагъ вышла ко мнѣ». Это сравненіе было справедливо, такъ какъ Монтагъ не двигалась, пока ея не вызывали. Далѣе г-жа Шуманъ говорила о взаимной зависти артистовъ. «У моего мужа нѣтъ ни малѣйшаго слѣда зависти, у Листа, напротивъ, есть эта черта. Еще у Листа непонятно для меня, какъ ему можетъ быть пріятно быть окруженнымъ такимъ множествомъ молодыхъ людей, которые, разиня ротъ, удивляются ему».

Вскорѣ послѣ нашего возвращенія домой, появился Листъ. Между прочимъ, онъ вспоминалъ съ г-жей Шуманъ объ одномъ своемъ спорѣ съ Шуманомъ, въ Дрезденѣ. Листъ ставилъ Мейербера выше Мендельсона. Шуманъ же, напротивъ, не могъ слышать музыки Мейербера, а Мендельсоновскую любилъ. Споръ зашелъ такъ далеко, что они разстались, совсѣмъ разсорившись.

Вечеромъ въ театрѣ г-жа Шуманъ дала концертъ, но къ сожалѣнію при почти пустой залѣ. Концертъ своего мужа она сыграла необычайно хорошо. Игра ея необыкновенно чиста и отчетлива, но отъ чрезмѣрной правильности ея часто страдалъ душевный импульсъ; вслѣдствіе этого ея манера играть могла заинтересовать музыканта, но масса слушателей оставалась холодна и давала только необходимую дань вниманія извѣстной артисткѣ.

На слѣдующій день (28-го Окт.) мы завтракали на Альтенбургѣ. Листъ показалъ г-жѣ Шуманъ свой новый инструментъ: соединеніе рояли и гармоніума, съ педалями. Инструментъ очень заинтересовалъ ее по своей новизнѣ, но Ave Maria Листа, которое онъ сыгралъ на немъ, ей не понравилось. Затѣмъ играли, въ 8 рукъ, переложенную Р. Полемъ одну балетную тему «Ромео и Джульеты» Берліоза; г-жѣ Шуманъ она въ высшей степени не понравилась; она очень неодобрительно говорила объ одностороннемъ направленіи музыки и нашла его въ этомъ отношеніи мелочнымъ. Затѣмъ она съ Коссманомъ и Лаубомъ сыграла тріо (g-moll) ея мужа, потомъ она (фортепіано) съ Листомъ (оркестръ) новую концертную пьесу Листа (рукопись), которая мнѣ мало понравилась. Въ тотъ же вечеръ г-жа Шуманъ играла у нашей великой княгини. Она нашла очень характеристичнымъ, что во время ея игры присутствовавшіе дергали корпію. (Это происходило во время Крымской кампаніи).

На слѣдующій день (29-го Окт.) Листъ и княгиня Витгенштейнъ пришли прощаться съ г-жею Шуманъ. За завтракомъ она много разсказывала о піанисткѣ Клаусъ, которая нѣсколько лѣтъ путешествовала по Европѣ; когда она пріѣхала въ Лейпцигъ, Шуманы ввели ее въ музыкальный міръ и въ общество этого города; а впослѣдствіи она выказала себя очень неблагодарной по отношенію къ Шуманамъ. Мать Клаусъ была очень веселая особа и упустила многое въ воспитаніи своей дочери. Она заставляла свою дочь безпрерывно путешествовать и играть въ концертахъ, и не думая даже объ упражненіяхъ между ними; вслѣдствіе этого возложенныя на нее ожиданія не оправдались. Она платила журналистамъ для того, чтобы критики были на ея сторонѣ. Все это разсказала г-жа Шуманъ и прибавила: «Послѣ того, что я въ теченіе двухъ-трехъ мѣсяцевъ путешествовала съ мо-

имъ отцемъ, давая концерты, онъ всегда оставлялъ меня дома на цѣлый годъ, чтобы учиться (studieren)».

На слѣдующій день (30-го Окт.) назначенъ былъ отъѣздъ г-жи Шуманъ. Кромѣ нашего семейства, ее провожали жившіе въ Веймарѣ молодые артисты, д-ръ Поль и фонъ Кальбъ; послѣдній глядѣлъ уже совсѣмъ дряхлымъ, вслѣдствіе безпорядочной жизни, которую онъ велъ. Г-жа Шуманъ выѣхала изъ Веймара съ болѣе легкимъ сердцемъ, чѣмъ пріѣхала, такъ какъ прежде она боялась Веймара и въ особенности Листа. Она сказала мнѣ: «Онъ былъ такъ любезенъ со мной, что съ моей стороны это неблагодарность; но я не могла бы сойтись съ нимъ, въ музыкальномъ отношеніи мы слишкомъ расходимся. Тѣмъ не менѣе она продолжала говорить о сочиненіяхъ Листа и сказала, что объ его вещахъ нельзя сказать, что прекрасное всегда остается прекраснымъ: когда онъ играетъ, ему рѣшительно все равно, если какой-нибудь ноты не хватаетъ, или звукъ замедляется, а мнѣ это вовсе не все равно». «Моя игра не можетъ нравиться Листу», сказала она, «я думаю, что она должна казаться ему слишкомъ доморощенной (hausgebacken)». Я была поражена этимъ замѣчаніемъ, такъ какъ наканунѣ Листъ сказалъ мнѣ: «Если я могу въ чемъ-нибудь упрекнуть игру г-жи Шуманъ, такъ это только въ томъ, что она слишкомъ hausgebacken; c'est un sentiment trop fait».

Каждый разъ передъ тѣмъ, какъ играть публично, Клара Шуманъ бывала очень нервна, и руки ея холодѣли. Но особенно боялась она каждый разъ, что̀ дирижировалъ ея мужъ: она страшилась малѣйшаго проявленія его неудовольствія, и въ тоже время всегда могла ожидать, что онъ найдетъ темпъ слишкомъ скорымъ или слишкомъ медленнымъ, такъ какъ это вполнѣ зависѣло отъ его настроенія духа. Я уже разсказывала, какъ въ Кёльнѣ, на одной концертной репетиціи, послѣ того, что она играла и онъ остался ею очень недоволенъ, найдя, что она играла слишкомъ скоро, она разрыдалась горькими слезами. Всѣ подобныя его замѣчанія очевидно были уже проявленіями болѣзни; но тогда этого еще не понимали.

Вообще г-жа Шуманъ, безъ того чтобы это было замѣтно, была очень нервна и всегда чувствовала нѣкоторый страхъ: она никогда не ложилась, не посмотрѣвъ предварительно подо всѣми кроватями и не осмотрѣвъ всѣхъ шкаповъ. Однажды Шуманъ сказалъ ей: «Какъ бы я хотѣлъ когда-нибудь увидѣть вознагражденными твои старанія найти кого-нибудь». Мы жили одни въ домѣ, и намъ никогда не приходило въ голову запираться на ночь. Въ первый же вечеръ своего пребыванія у насъ, нѣсколько минутъ послѣ того, что̀ г-жа Шуманъ ушла къ себѣ, ко мнѣ явилась пріѣхавшая съ нею Frln Schönerstädt,

прося, отъ имени г-жи Шуманъ, чтобъ я ей дала ключъ отъ ея комнаты. Тщетно искали мы его; только на слѣдующее утро я могла передать ей ключъ и убѣждена, что эту первую ночь она плохо спала, хотя она это отрицала.

Княгиня Витгенштейнъ очень приглашала г-жу Шуманъ пріѣхать въ Веймаръ на представленіе Геновевы и остановиться на Альтенбургѣ; послѣ г-жа Шуманъ сказала Frln. Schönerstädt: «Тамъ наверху (т. е. на Альтенбургѣ), правда, нарядно, но не будетъ такъ уютно (gemütlich), какъ у Сабининыхъ».

Разставаясь, Шуманъ совѣтовала мнѣ не упражняться слишкомъ много, говоря, что если умъ остается напряженнымъ въ теченіи трехъ-четырехъ часовъ, то онъ уже не можетъ быть достаточно свѣжъ, и если, не смотря на его утомленіе, продолжать упражняться, то это будетъ уже только машинально, безъ ума. Ея требованіе, чтобы я прекратила уроки у Листа, очень меня опечалило; замѣтивъ это, она сказала: «Не падайте духомъ; у васъ душа воспріимчивая ко всему прекрасному. Играйте Баха, Бетховена и имъ подобныхъ мастеровъ, и держитесь прямо, когда играете».

Однажды шла рѣчь о томъ, гдѣ молодые артисты должны начинать свою карьеру. Она сказала: «Для молодыхъ артистовъ пребываніе въ Парижѣ и Лондонѣ чрезвычайно вредно; я благодарю Небо, что оно избавило моего дорогого мужа отъ чего бы то ни было подобнаго (von allen solchen)».

7-го Ноября я была на репетиціи оперы Рубинштейна «Сибирскіе Охотники». Оперу эту, какъ сочиненіе Русскаго композитора, готовили ко дню 50-ти лѣтняго юбилея пребыванія въ Веймарѣ нашей великой княгини. Вечеромъ были у насъ Рубинштейнъ и Литольфъ. Литольфъ, извѣстный піанистъ, игралъ бѣгло и чисто, но очень нервно и холодно. Въ обществѣ онъ былъ очень молчаливъ и производилъ впечатлѣніе человѣка задумчиваго. Мысль о самоубійствѣ преслѣдовала его; на лбу у него былъ большой шрамъ отъ неудавшейся попытки застрѣлиться, а незадолго передъ пріѣздомъ его въ Веймаръ, въ Брауншвейгѣ, онъ бросался въ воду, съ намѣреніемъ утопиться. Въ Веймаръ онъ былъ приглашенъ для участія на юбилейномъ концертѣ въ честь великой княгини. Концертъ этотъ, подъ управленіемъ Листа, данъ былъ 10-го Ноября, въ пользу дѣтскаго пріюта, о которомъ наша великая княгиня такъ много заботилась; начался онъ «Орфеемъ» Листа.

11-го Ноября въ нашемъ домѣ собралось маленькое общество, между ними Листъ, Рубинштейнъ, Литольфъ, Поль съ женою и многія изъ моихъ подругъ. Эти три піаниста превзошли другъ друга своей

игрой; наконецъ Рубинштейнъ и Литольфъ сыграли въ четыре руки дивертисментъ Шуберта, а Листъ присѣлъ ко второму роялю и импровизировалъ къ ихъ исполненію. Это было такъ удивительно хорошо, что всѣ присутствовавшіе пришли въ восторгъ.

12-го Ноября. У насъ былъ Бронсаръ. Это былъ хорошо воспитанный молодой человѣкъ, пріѣхавшій въ Веймаръ и котораго Листъ принялъ въ число своихъ учениковъ. Онъ происходилъ отъ Французскихъ эмигрантовъ, поселившихся въ Пруссіи, гдѣ они живутъ и по нынѣ. Брата его я встрѣтила во время Франкопрусской войны въ качествѣ начальника штаба Гессенскаго корпуса, а впослѣдствіи, при императорѣ Вильгельмѣ I-мъ, онъ былъ Прусскимъ военнымъ министромъ. Игра Г. ф. Бронсара была изящная, тонкая, скорѣе салонная, чѣмъ концертная, и, какъ сочинитель, онъ также отличался тонкимъ вкусомъ и тонкой разработкой. Говорю это и вспоминаю его «Весеннюю фантазію» для оркестра.

23-го Ноября. Братья Доплеръ (Францъ и Карлъ) изъ Пешта, оба флейтисты, давали концертъ. Они играли очень хорошо, но инструментъ ихъ въ наше время потерялъ много своей поэтической прелести и далеко не такъ распространенъ въ обществѣ, какъ прежде.

Еще болѣе неблагодарный для концерта инструментъ позауна, на которой нѣсколько дней спустя (27-го) далъ концертъ, отлично владѣвшій ею Набихъ. Въ его концертѣ принимали участіе віолончелистъ Коссманъ и Прукнеръ; публика со значительно бо́льшимъ увлеченіемъ приняла блестящую игру и передачу двухъ послѣднихъ, чѣмъ трудное и неблагодарное исполненіе разныхъ комбинацій Набиха на его, для оркестра незамѣнимомъ, но для соло весьма неуклюжемъ инструментѣ. Коссманъ великолѣпно исполнилъ фантазію Серве на мотивы изъ Севильскаго Цирюльника, и это исполненіе осталось свѣтлой точкой всего концерта.

10-го Декабря. Было отличное представленіе Тангейзера. Листъ дирижировалъ, но затѣмъ объявилъ, что до тѣхъ поръ не станетъ вновь дирижировать, пока не измѣнятъ и не исправятъ сценической обстановки Вагнеровскихъ оперъ. Считая Веймаръ колыбелью этихъ драмъ, Листъ требовалъ, чтобы онъ не отставалъ отъ другихъ подобныхъ ему городовъ, которые обставили внѣшность этихъ драмъ исторически вѣрно и съ большимъ блескомъ. Драмы оказались лакомымъ кускомъ для кассъ; вотъ почему Листъ требовалъ, чтобы не скупились обставить ихъ прилично и со вкусомъ. Онъ долго просилъ объ этомъ, пока наконецъ не убѣдился, что просьбами ничего не достигнешь; тогда онъ рѣшился лично удалиться изъ театра, пока не исполнятъ его желанія.

18-го Декабря. Церковный праздникъ: пятьдесятъ лѣтъ, что наша православная домовая церковь въ Веймарѣ была освящена. Все осталось, какъ было устроено первоначально.

1855-й годъ.

1-го Января (20 Декабря 1854 г.). Нѣмецкій новый годъ. Всѣ радостно его встрѣчаютъ, а мнѣ особенно грустно въ этотъ день. Жизнь такъ серьезна, будущность неизвѣстна, наша великая княгиня и мой отецъ видимо старѣютъ, и въ голову поневолѣ заходятъ тяжелыя думы о томъ, что̀ насъ ожидаетъ, и эти мысли тревожатъ и мучаютъ всѣхъ насъ старшихъ, хотя мы стараемся скрыть это одинъ отъ другого, чтобы не растравить еще больше наболѣвшую рану.

Вечеромъ, въ нашъ Рождественскій Сочельникъ, у насъ была ёлка; въ тѣсномъ семейномъ кругу встрѣтили мы праздникъ. На чужбинѣ къ праздникамъ всегда примѣшивается что-то грустное, потому что тамъ не существуетъ той общей объединяющей праздничной радости, которая бываетъ въ отечествѣ. У насъ Рождество, а у протестантовъ простой будничный день, базаръ, уроки, занятія; вотъ когда больше всего чувствуется одиночество на чужой сторонѣ.

2-го Января (21 Декабря). У насъ обѣдалъ, между прочимъ, А. Г. Рубинштейнъ, съ которымъ мы знакомы съ 1839 года, когда, если я не ошибаюсь, онъ молодымъ мальчикомъ былъ у насъ въ Веймарѣ, со своимъ учителемъ Вильбуа.

На слѣдующій день я провела вечеръ у жены министра внутреннихъ дѣлъ, ф.-Ватцдорфъ; она очень любила музыку, но до того времени мало играла и была моей ученицей. Для меня было просто пыткой, когда, по ея просьбѣ, мы играли съ нею въ четыре руки, такъ какъ она не слышала сама фальшивыхъ нотъ, которыя брала и поевторяла съ большой настойчивостью, что̀ было истиннымъ испытаніемъ моего терпѣнія и моихъ ушей; но у меня не хватало духа отказать ей въ этомъ личномъ ея удовольствіи. Сестра ея, М. ф.-Кённеричъ, фрейлина гросгерцогини Софіи, откровенно говорила: «Я не люблю музыку, ничего въ ней не понимаю, и для меня все равно, слышу ли я игру Листа или барабанный бой; мнѣ кажется, какъ будто это одно и тоже». Вотъ какъ различно сформированы наши уши! Она была очень образованная и выдающаяся по уму личность, но держала себя очень скромно и въ сторонѣ. Въ этотъ вечеръ тоже она была у своей сестры, г-жи ф.-Ватцдорфъ, и видя, что я смѣюсь при появленіи ея въ гостинной, гдѣ собираются музицировать, сказала мнѣ: «И я пришла слушать музыку, хотя музыка для меня пыт-

ка». Играли Коссманъ (віолончель) и Шульцъ (скрипка) очень хорошо, и піанистка Шульцъ изъ Петербурга, ученица Гензельта, пріѣхавшая въ Веймаръ, чтобы брать уроки у Листа. Не помню ужъ, какъ это случилось, только она попала ко мнѣ въ ученицы, хотя ея игра не представляла для меня никакого интереса: это была просто что̀ называется «Salonspielerin», а въ это тѣсто не проникаютъ геніальныя искры настоящаго таланта. Тѣмъ не менѣе, она всегда могла разсчитывать на извѣстный успѣхъ въ обществѣ, такъ какъ, по выраженію Листа, у нея былъ паспортъ, чтобы нравиться публикѣ: довольно красивая наружность.

6-го Января. Вечеромъ я была на представленіи драмы Вильгельма Геласта «Бернгардтъ Веймарскій». Имени автора не было на афишѣ, но всѣ знали, кто онъ. В. Генастъ былъ сынъ извѣстнаго пѣвца и актера Эдуарда Геласта; юристъ по профессіи, онъ занимался и литературой. Драма написана очень изящнымъ языкомъ, но вся она черезчуръ длинна; автора вызывали и сдѣлали ему овацію. Къ этой драмѣ І. Раффъ написалъ увертюру и антракты; музыка была очень ученая и неблагодарная; прослушавъ ее, публика осталась холодна.

7-го Января. Была у Агнессы Денисъ-Стритъ, рожденной Клиндвортъ. Это была загадочная личность. Дочь извѣстнаго секретаря и довѣреннаго лица послѣдняго Ганноверскаго короля Георга, она, какъ метеоръ, появлялась на Веймарскомъ горизонтѣ и исчезала; бывала только въ домѣ Французскаго посольства, у Листа, у нашего министра-резидента барона Мальтица и, наконецъ, въ нашемъ домѣ. Всѣ такія таинственныя личности, подобно ей, неизвѣстно гдѣ живущія, откуда являющіяся и куда исчезающія, всегда внушали мнѣ мало довѣрія. Несомнѣнно, что она исполняла политическія порученія своего отца, который работалъ для возстановленія престола своего короля, изгнаннаго изъ Ганновера. Дѣйствительно, выборъ ея въ тайные агенты былъ счастливый. Она была красива, отлично говорила почти на всѣхъ Европейскихъ языкахъ и хорошо писала. Впослѣдствіи отецъ ея работалъ для журнала «Le Nord», издаваемаго въ Брюсселѣ. Журналъ этотъ, издаваемый для поддержанія интересовъ Россіи и для проведенія ея желаній за границей, получалъ отъ Россіи ежегодную субсидію въ 50.000 рублей. Мнѣ говорили, что и Агнесса Денисъ-Стритъ участвуетъ въ этомъ журналѣ; мнѣ же казалось, что она гораздо больше была на сторонѣ Франціи, много сообщалась съ Французскимъ посольствомъ, часто ѣздила въ Парижъ и т. д. Раскусивъ ее, я съ ней была очень осторожна насчетъ того, что̀ говорилось въ нашемъ домѣ о дѣйствіяхъ и мысляхъ нашей великой княгини, которая вполнѣ основательно считалась очень вліятельной особой въ полити-

ческомъ мірѣ: братъ ея, императоръ Николай I, никогда не дѣлалъ рѣшительнаго шага не написавъ ей и не посовѣтовавшись съ нею. Великая княгиня вела обширную переписку; письма, полученныя ею, тщательно хранились и, по ея духовному завѣщанію, не могутъ быть тронуты ранѣе 50 лѣтъ послѣ ея смерти, то-есть 1909 года.

Говорятъ, что извѣстный піанистъ Д'Альберъ, игрою котораго Петербургъ восхищался въ 80-хъ годахъ, сынъ А. Денисъ-Стритъ.

9-го Января вечеромъ была я у Геназта; жена его, рожденная Шрёдеръ, сестра извѣстной пѣвицы Шрёдеръ-Девріенъ, очень почтенная особа, была артисткой Веймарскаго театра. Ихъ домъ былъ очень гостепріимный, и всѣ артисты собирались у нихъ. Въ этотъ день я встрѣтила у нихъ Листа, Гофмана, фонъ-Фаллерслебена, Раффа и другихъ артистовъ, какъ Бронсаръ, Поль и пр. Гофманъ—извѣстный поэтъ, которому тогда было уже болѣе шестидесяти лѣтъ и, не смотря на это, онъ только-что женился на молодой особѣ. Не долго спустя, онъ, по ходатайству Листа, получилъ мѣсто библіотекаря въ Корвеѣ, у князя Ратибора, старшаго брата князей Гогенлое-Шиллингсфютъ. Младшій братъ, Константинъ Гогенлое женился на княжнѣ Маріи Ник. Сайнъ-Витгенштейнъ-Берлебургъ, дочери Каролины Витгенштейнъ, рожд. Ивановской).

Іоахимъ Раффъ сначала былъ обрученъ съ младшей дочерью г-на Геназта, Эмиліей, которая пѣла, но впослѣдствіи очень некрасивымъ образомъ отъ нея отказался и женился на старшей сестрѣ ея Дорѣ, которая тоже была актрисой въ Висбаденѣ. Позднѣе, въ 1857 году, онъ получилъ тамъ мѣсто капельмейстера при театрѣ и до самой смерти служилъ тамъ. Будучи холостымъ, онъ велъ очень разгульную жизнь и сильно пилъ, быть-можетъ съ отчаянія, такъ какъ нуждался въ насущномъ хлѣбѣ.

Днемъ я была на публичной лекціи Фрорипа объ экспедиціи къ сѣверному полюсу, которая заключала въ себѣ всѣ новѣйшія изслѣдованія Сѣвера. Фрорипъ былъ отличный врачъ и жилъ въ Берлинѣ; но по смерти его отца, ему пришлось стать во главѣ «Landes-Industrie-Comptoir», основаннаго его дѣдомъ Бертухомъ, въ его собственномъ домѣ. У нихъ печатались карты и книги, но самое заведеніе было далеко не тѣмъ, что̀ прежде, и доходы не покрывали расходовъ.

28-го Января. Я играла въ Іенѣ въ университетскомъ концертѣ, состоявшемъ подъ управленіемъ музикдиректора Штаде, очень солиднаго музыканта, и д-ра Жиля, любителя и знатока музыки. Этимъ двумъ личностямъ Іена много обязана: въ музыкальномъ отношеніи они переродили этотъ городъ. Публика приняла и провожала меня очень любезно. Послѣ концерта устроенъ былъ ужинъ, на который приглашены

были и мои родители. Мы вернулись въ Веймаръ въ два часа ночи. На слѣдующій день я завтракала у княгини Витгенштейнъ; кромѣ меня были Листъ и Гиллеръ изъ Кёльна.

30-го Января сестры и я провожали къ мѣсту вѣчнаго покоя нашу хорошую знакомую и сосѣдку, Елену Танъ, скончавшуюся отъ тифа. Намъ было очень грустно. Стѣна комнаты, гдѣ она лежала, была въ тоже время и стѣной моей залы, гдѣ стояли мои рояли, такъ что черезъ стѣну все было слышно. Ради нея, послѣднее время я перестала играть; но за два дня до смерти она прислала мнѣ сказать, что проситъ меня сыграть ей Frühlingslied Мендельсона, что она долго не спала и надѣется уснуть послѣ игры. Но и музыка не могла ее воскресить, и мы лишились ея. Отъ меня скрывали ея смерть (28 Января) до моего отъѣзда на концертъ въ Іену и сообщили объ этомъ только по возвращеніи моемъ оттуда.

13-го Февраля. У меня былъ Листъ и сообщилъ, что на дняхъ ожидаетъ Гектора Берліоза. Берліозъ самъ поставилъ себѣ памятникъ въ обширномъ трудѣ своемъ «Grand traité d'instrumentation et d'orchestration modernes. При своемъ появленіи книга эта поразила всѣхъ артистовъ; изъ нея видно было, какъ тщательно Берліозъ изучилъ величайшія творенія незабвенныхъ композиторовъ и, главное, Бетховена. Берліозъ самъ симфонистъ, но его инструментація не похожа на Бетховенскую; она у него еще богаче, потому что онъ до тонкостей изучилъ свое искусство, и отъ него не ускользнуло ни малѣйшей подробности въ характерѣ каждаго инструмента. Послѣ Бетховена онъ первый выдвинулъ и показалъ богатство оркестра; его примѣромъ воспользовались Вагнеръ и Листъ, для выраженія своихъ индивидуальныхъ формъ композиціи. Онъ также одинъ изъ первыхъ соединилъ музыку съ поэзіей, то-есть подтвердилъ, что композиторъ не долженъ черпать матеріалъ для своихъ сочиненій исключительно изъ одного только искусства, то-есть музыки, но долженъ соединять ихъ съ поэтическимъ произведеніемъ, выраженнымъ словами. Къ своимъ симфоніямъ онъ иногда прилагалъ программы, чтобы объяснить ходъ своихъ мыслей, или давалъ имъ названіе той поэзіи, которая побудила его написать музыку, или же прилагалъ словесныя объясненія, говоря, что у публики нѣтъ воображенія. Что касается мелодіи, гармоніи и модуляціи, то Берліозъ считалъ ихъ историческое развитіе почти оконченнымъ; насчетъ же инструментаціи, выраженія и ритма нѣтъ сомнѣнія, что они подлежатъ не только измѣненію, но и дальнѣйшему развитію. Въ сочиненіяхъ Берліоза замѣтно, что на эти послѣдніе три пункта онъ обращалъ особое вниманіе. Очень понятно, что Берліозу было трудно проложить себѣ дорогу во Франціи: Французы, подобно

Итальянцамъ, не понимаютъ симфоніи; до Берліоза у нихъ не было своихъ симфонистовъ, а по узкости взглядовъ они не изучали твореній своихъ сосѣдей. Нѣмецъ, напротивъ, копотливо черпаетъ у всѣхъ націй все, что̀ находитъ заслуживающимъ его вниманія и, не смотря ни на какія національныя антипатіи, онъ всегда сумѣетъ понять и оцѣнить творенія своихъ сосѣдей; вотъ почему и Берліозъ впервыя былъ оцѣненъ Нѣмцами. Объ одномъ нельзя не пожалѣть—это, что въ Веймарѣ не исполнили желанія и просьбы Листа и не основали артистическаго института, который бы далъ возможность и въ интересахъ исторіи музыки, и ради развитія музыкальнаго пониманія въ публикѣ, исполнять достойнымъ образомъ всѣ лучшія произведенія величайшихъ композиторовъ. Но всѣ старанія Листа, чтобы убѣдить нашу великую княгиню и гросгерцога Карла-Александа и заинтересовать ихъ этимъ грандіознымъ планомъ, оказывались тщетными, и Листъ съ грустью долженъ былъ, наконецъ, отъ него отказаться, когда великій герцогъ основалъ въ Веймарѣ художественную школу. Это равнодушіе глубоко огорчало Листа, и онъ часто мнѣ это высказывалъ. Имѣя подобный институтъ, можно было бы достойнымъ образомъ воспроизводить все написанное для оркестра. Въ Веймарѣ былъ одинъ лишь театральный оркестръ, и можно только удивляться, какъ Листъ умѣлъ съ нимъ справляться и что̀ умѣлъ изъ него дѣлать.

15-го (3) Февраля. У Листа я познакомилась съ Берліозомъ и съ его женой. Наружность геніальнаго музыканта была выдающаяся и характерная: тонкія черты лица и красивыя очертанія головы, окруженной сѣдыми волосами, свидѣтельствовали объ его умѣ. Говорилъ онъ мало и бо́льшей частью по-французски и по-англійски. Его видъ производитъ тяжелое впечатлѣніе: видно, что онъ много страдалъ. Жена его составляла ему совершенную противоположность и наружность имѣла вульгарную. Листъ чудно игралъ, послѣ чего всѣ пошли на концертную репетицію въ театрѣ.

На слѣдующій день давали оперу «Белизаръ» Доницети, которая мнѣ очень не понравилась. Листъ отказался ее дирижировать, хотя онъ находилъ ее лучше той безвкусицы, которою восторгались эту зиму въ Дрезденѣ и Веймарѣ, «Каменщикъ и Кузнецъ» Обера.

17-го (5) Февраля. Я слышала репетицію концерта, который вечеромъ давали при дворѣ, подъ управленіемъ Г. Берліоза. Играли: 1) Fête de Romeo et Juliette, 2) «La Captive» (rêverie), paroles de V. Gugo, 3) Concerto de Piano, 4) Chasse et danse des Sylphes de Faust, 5) Trio et choeur des ciseleurs de l'opéra Benvenuto Cellini. За исключеніемъ концерта, вся программа состояла изъ сочиненій Берліоза. Выбраны были изъ его твореній наиболѣе доступныя для публики, и

впослѣдствіи ихъ часто повторяли, за исключеніемъ «La Captive», которую я только въ Веймарѣ и слышала.

На слѣдующій день вечеромъ я была на Альтенбургѣ; тамъ былъ Берліозъ, и въ честь него Листъ игралъ великолѣпно.

19-го Февраля, отъ половины десятаго до половины третьяго, была репетиція для нашего пѣвческаго кружка. Берліозъ очень тщательно проходилъ все со всѣми. Вечеромъ была репетиція для солистовъ. На слѣдующій день еще репетиція Берліоза и, наконецъ, 21-го самый концертъ. Сперва спѣли «Дѣтство Спасителя» (слова и музыка Берліоза), духовная трилогія, состоящая изъ: 1) Сонъ Ирода, 2) Бѣгство въ Египетъ и 3) Пріѣздъ въ Саисъ. По своей простотѣ эта музыка рѣзко отличается отъ другихъ сочиненій Берліоза. Для православнаго человѣка непонятна подобная передача въ театрѣ словъ Св. Писанія, но для Француза это ничего не значитъ. Вторая часть концерта состояла изъ фантастической симфоніи въ пяти частяхъ, извѣстной подъ названіемъ «Эпизодъ изъ жизни художника», текстъ и музыка Г. Берліоза. Лирическую мелодраму декламировалъ г. Грансъ. Отдѣльныя музыкальныя вещи восхитительны, но по моему мелодраматическая часть съ симфоніей нескладны: выходитъ слабо и, даже скажу больше, музыкантъ во фракѣ, декламирующій свои впечатлѣнія, кажется смѣшнымъ.

2 Марта (н. ст.) въ 3 часа пополудни, пришло страшное извѣстіе, что скончался императоръ Николай I. Такъ какъ никто не получалъ сообщенія о его болѣзни, вѣсть эта всѣхъ какъ громомъ поразила. Гросгерцогиня Софія сидѣла передъ художникомъ Лаукартомъ, который дѣлалъ ея портретъ; на головѣ у нея была наколка изъ васильковъ и мака. Ей подали депешу; прочитавъ ее, она только сорвала съ головы цвѣты и тотчасъ же побѣжала на половину, гдѣ жила наша великая княгиня.

Насчетъ Россіи Германія раздѣлялась на два лагеря: въ первомъ изъ нихъ безгранично преклонялись предъ могуществомъ Николая I-го, предъ его силой и предъ тѣмъ страхомъ, который онъ внушалъ своимъ врагамъ и которымъ онъ держалъ равновѣсіе въ Европѣ; другая сторона мечтала сломить это могущество и, наконецъ, вся Европа пошла противъ него, какъ бы крестовымъ походомъ, стараясь пошатнуть столбы трона того, который всѣмъ имъ служилъ твердой опорой противъ политическихъ стремленій, противодѣйствовавшихъ монархизму. Какъ слѣпы были тѣ, которые мечтали возвыситься и укрѣпить свое могущество, расшатывая основаніе Европейскаго мира! Они дорого поплатились за свою зависть и мелочный расчетъ. Утѣшительно было слышать отзывы объ императорѣ Николаѣ I тѣхъ, кто оплакивалъ его смерть; тяжело и грустно выслушивать сужденія тѣхъ, которые видѣли въ немъ лишь варвара и гонителя и не хотѣли понять,

что невозможно одному человѣку отвѣчать за дѣйствія всѣхъ его подчиненныхъ.На слѣдующій день всѣ, сочувствовавшіе нашему горю навѣстили насъ, выражая свое участіе. Пришелъ и Листъ, но онъ не могъ удержаться, чтобы не сказать, что императоръ Николай I слишкомъ строго отнесся къ княгинѣ Витгенштейнъ и что приказаніе его конфисковать ея имѣнія, запретить ей въѣздъ въ Россію и т. д., безсердечно, тѣмъ болѣе, что виновникъ ея несчастнаго брака вновь женился, сдѣлавъ mésalliance. Въ это время у насъ сидѣла фрейлина великой княгини, Марія фонъ-Бёльвитцъ. Между ней и Листомъ завязался споръ; Листъ очень горячился и не принималъ никакихъ возраженій. Онъ не скрывалъ, что надѣется, что новое царствованіе окажется благопріятнѣе для его судьбы. Нѣсколько времени спустя, Листъ пришелъ однажды ко мнѣ (съ поздравленіемъ на нашу Пасху) и подарилъ мнѣ серебряный медальонъ, для ношенія на часахъ, съ бюстомъ императора Николая I, и мѣдную литую линейку, съ изображеніемъ лица императора Александра. Подавая ихъ мнѣ, онъ сказалъ: «Permettez qu'un homme aussi déreglé vous offre une règle».

9-го Апрѣля въ Веймарѣ въ первый разъ давали оперу Шумана «Геновева». Лирически-драматическая музыка интересна для каждаго музыканта-артиста, но текстъ, составленный поэтами Тикомъ и Геббелемъ, очень неблагодаренъ для композитора; дѣйствія очень мало, и публикѣ скучно. Листъ взялся опять за управленіе оркестромъ только ради того, что музыка Шумана, и ради постигшаго его несчастія. Оперу дали еще разъ, но она не могла удержаться на репертуарѣ и впослѣдствіи служила только музыкантамъ для изученія музыки Шумана.

13-го Апрѣля былъ академическій вечеръ М. Г. Сафира изъ Вѣны, импровизатора и сатирика. Онъ былъ какимъ-то отталкивающимъ явленіемъ: Еврей въ рыжемъ парикѣ. Его остроты были слабы и вульгарны и не стоили траты денегъ. Онъ разбранилъ докторовъ, женщинъ и Германію.

Въ концѣ Мая я получила изъ печати первую тетрадь своихъ романсовъ, ор. I. Странное чувство видѣть въ первый разъ свои мысли напечатанными. Интересны были для меня появившіяся критики. Рейнскій музыкальный журналъ призналъ во мнѣ талантъ, и даже рутину.

9-го Іюня. Поэтъ князь Петръ Андреевичъ Вяземскій посѣтилъ моихъ родителей; онъ всегда былъ очень добръ для насъ и, когда бывалъ въ Веймарѣ, всегда посѣщалъ моихъ родителей. Моя мать прочитала ему вслухъ свой переводъ «Торквато Тассо» Гёте; онъ ее очень одобрилъ и совѣтовалъ печатать его; но за границей этого не стоило дѣлать, а съ Россіей у насъ не было достаточно сношеній, чтобы предпринимать подобныя вещи. Князь Вяземскій уѣхалъ изъ Веймара на слѣдующій день послѣ обѣдни, за которой присутствовала великая княгиня Ольга Николаевна.